

УДК 94 (571.1)

М.К. Чуркин

## АДАПТИВНАЯ СИТУАЦИЯ, БАРЬЕРЫ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЧЕРНОЗЁМНОГО ЦЕНТРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

*В статье на материалах делопроизводственного характера, источников личного происхождения, свидетельств экономистов, этнографов – современников переселенческого дела, выявляются стратегии поведения мигрантов чернозёмного центра Европейской России во второй половине XIX – начале XX в. Переселенческое движение в Сибирь рассматривается в качестве критической ситуации, в рамках которой производственная деятельность крестьянства сопрягалась с риском и требовала выработки адекватных моделей поведения, направленных на преодоление адаптивных барьеров как в местах выхода, так и в районах водворения мигрантов.*

*Ключевые слова: адаптация, адаптивные барьеры, адаптивные стратегии поведения, переселенцы.*

*Постановка проблемы.* Комплексная оценка переселенческого движения, ведущее место в котором во второй половине XIX – начале XX в. занимали выходцы из чернозёмной полосы Европейской России, требует рассмотрения его социально-психологических аспектов. При важности условий географической среды мест выхода и водворения мигрантов, экономико-демографических факторов, определивших переселенческую активность крестьян и успехи обустройства в регионе-«доноре», в оценке оформлявшейся в пореформенный период миграционной парадигмы невозможно игнорировать перемены, происходившие в сознании главного субъекта земледельческой колонизации восточной окраины страны – крестьянства.

Теодор Шанин, автор новой исследовательской практики, получившей название «рефлексивное крестьяноведение», определяя крестьянство как «неудобный класс», имел в виду, прежде всего, исчерпанность позитивистского подхода к осмыслению аграрной истории и составляющих её элементов. Проблема заключается в том, что общероссийская историография аграрного вопроса в течение продолжительного времени находилась в «плёну» эвристически-познавательных стереотипов и видела в миграциях лишь следствие нерешённых в центре страны проблем аграрного порядка, ограничиваясь чаще всего констатацией факта переселений, облачённого в строгие статистические формулы.

*Изученность темы.* Проблема поведенческих стратегий мигрантов в переселенческом движении до настоящего времени не являлась предметом специальных научных изысканий. Оценивая причины, ход и результаты миграций, исследователи акцентировали внимание преимущественно на механических (количественных) аспектах переселенческого процесса, особо фокусируясь на численности миграционных потоков, расселении крестьян в Сибири, государ-

ственном регулировании переселений. Начиная с 1990-х гг. тема народных переселений осваивается в рамках междисциплинарного подхода с привлечением теорий и методов сопредельных областей научного познания, прежде всего социальной психологии, что позволило исследователям выйти на обсуждение таких продуктивных тем, как адаптация мигрантов в условиях риска, вариативность поведенческих реакций на внешнюю социальную и природно-географическую среду (О.Н. Шелегина, К.В. Скобелев, И.И. Кротт, Б.Е. Андюсев, М.А. Нагорная).

*Источники и методы.* Источниковую базу исследования составили в основном материалы делопроизводственного характера, представленные крестьянскими ходатайствами о переселении, а также многочисленными прошениями, касающимися вопросов их водворения и обустройства в Сибири. Они позволили скомпоновать доказательный материал, иллюстрирующий процесс формирования адаптивных ситуаций и выработки стратегий поведения непосредственным субъектом колонизации – крестьянством.

В ходе исследования учитывались разработки современной зарубежной и отечественной психологической науки в области изучения адаптации и принятия решений, связанных с риском, что значительно увеличило шансы произвести детальный анализ крестьянских «представлений», «образов», «ценностей», которые, по выражению Жака Ле Гоффа, наиболее отчётливо проявляются «в нерациональном и ненормальном поведении людей» [1. Р. 172], т. е. чаще всего в критических ситуациях.

Переселенческое движение в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. можно рассматривать как типично критическую ситуацию, характеризовавшуюся более частыми проявлениями нерациональных действий консолидированных групп крестьянства и формированием устойчивых социально-психологических стереотипов поведения, в том числе определивших высокую степень миграционной мобильности значительной части сельского населения Европейской России.

Ключом к объяснению массового характера переселенческого движения крестьян за пределы границ стабильной земледельческой оседлости может послужить явление адаптации, в семантическом поле которого в пореформенный период шли процессы видоизменения, а в отдельных случаях и обострения некоторых поведенческих реакций и стереотипов, свойственных социально-психологическому облику российского крестьянства.

В социальной психологии явление адаптации трактуется, прежде всего, как комплекс приспособительных реакций человека на изменяющиеся условия внешней и внутренней среды, процесс выработки устойчивых поведенческих стереотипов, функциональных реакций, при помощи которых достигается эффект жизнедеятельности. Личность и среда в ходе данного процесса находятся в динамическом равновесии, их соотношение меняется постоянно, следовательно, адаптация также осуществляется постоянно [2. С. 110]. В контексте изучения колонизационного движения крестьянских масс в Сибирь исследователи чаще всего характеризовали адаптацию мигрантов с позиции обустройства в регионе и простого приспособления к условиям окружающей географической и социальной среды, упуская из виду, что интеграции пере-

селенцев в новые условия жизни предшествовало серьёзное нарушение адаптационных механизмов в местах предыдущего проживания.

*Результаты исследования.* При всём многообразии детерминирующих факторов (природно-географических, экономических) миграционной мобильности крестьянства России во второй половине XIX – начале XX в. следует признать, что для участников переселенческого процесса существовала общая конечная цель – максимально быстро приспособиться к местным условиям, организовать эффективную хозяйственную деятельность, достигнуть экономического успеха. Степень вероятности достижения экономического успеха крестьянскими хозяйствами исследуемых губерний вследствие массовых переселений в пореформенное время непосредственно зависела от ситуации, в которой происходило их водворение и обустройство. Существенным моментом в крестьянской колонизации Зауралья стало то обстоятельство, что переселенцы попадали в Сибирь не на безлюдные земли, а на территории, где уже проживали потомки представителей первой волны земледельческой колонизации региона (старожилы), а также коренное население (инородцы), обладавшие своеобразным набором социокультурных представлений, соответствовавших местным условиям, хозяйственным традициям и особенностям быта. Пополняя сельское население Сибири, переселенцы испытывали на себе влияние новой климатической, географической, этнической, социальной, психологической среды и, приспосабливаясь к новым условиям жизни, были вынуждены согласовывать с её проявлениями своё поведение.

В современной науке явление социально-психологической адаптации понимается как сложный процесс, где высшей ступенью является не взаимное приспособление и уравнивание индивида и среды, а объединение их в новой системе более высокого уровня организации. Новая система возникает в результате активного взаимодействия индивида и среды и предполагает взаимные, двусторонние изменения. При оптимальном построении системы взаимодействия человек реализуется в продуктивной деятельности, которая одновременно приветствуется со стороны социальной среды.

При рассмотрении процесса адаптации как взаимодействия формируется и вполне определённое понимание свойства адаптивности – как способности к построению продуктивных систем взаимодействия. Такая способность может проявляться в стратегиях поведения, которые использует человек в процессе адаптации.

Принимая во внимание то обстоятельство, что адаптация – это не только результат «приращения» индивида или группы людей к новым социокультурным условиям, но в значительной мере постоянный приспособительный процесс, можно выделить основные универсальные элементы адаптационного цикла, к разряду которых следует отнести наличие **адаптивной ситуации и адаптивных барьеров**, сообразно с которыми индивид и переселенческая ячейка в целом выработывали адекватные **стратегии адаптивного поведения**.

Применительно к периоду активизации переселенческого движения в Сибирь из четырёх губерний Европейской России во второй половине XIX – начале XX в. очевидным выглядит постепенное формирование специфической ситуации, т.е. совокупности объективных условий, в которых субъекту

приходилось действовать определённым образом. Своеобразие *адаптивной ситуации* в местах водворения мигрантов определялось различными факторами, оказавшими влияние на способность и темпы приспособления переселенцев к условиям региона. Далеко не последнюю роль в данном процессе играл природно-географический контекст, отдельные элементы которого часто выступали прямым опровержением того образа Сибири, который формировался в сознании переселенцев на родине. Указания на несоответствие природных условий избранной местности первоначальным представлениям о них являлись наиболее распространённым аргументом в объяснениях крестьянами-переселенцами их постоянно ухудшавшегося имущественного положения: «неблагоприятные климатические условия отражаются на состоянии нашего здоровья и хозяйстве» [3. Прил. 1]; «вследствие вредного влияния на здоровье климата Сибири мы окончательно обнищали» [4. С. 24]; «по причине неблагоприятного климата не имеем возможности применить в Сибири свои знания и развить садоводство» [4. С. 24].

Важнейшим компонентом адаптивной ситуации, сложившейся в ходе колонизационного процесса, являлась социальная среда, в которой были вынуждены действовать мигранты, поскольку второе и последующие поколения сибиряков становились носителями изменённой, преломлённой на сибирской почве культуры. Сибиряки, по мнению исследователей дореволюционного периода, обладали теми отличительными свойствами, которые были свойственны всем колонистам в условиях осваиваемых регионов. Освоение сибирских земель, требовавшее громадной энергии, развило в сибиряке дух предприимчивости, привычку полагаться только на себя. Земельный простор дал старожилу возможность развернуть свои силы, а суровость природных условий требовала крайнего их напряжения. По замечанию Н.М. Ядринцева, русский крестьянин «явился на Восток без всяких знаний, без могущественных научных и технических средств и сил для борьбы с природою... Положив основание повсюду будущей колонизации, он выполнил большую часть самой трудной работы и совершил половину исторической задачи. Едва ли можно отказать ему в героизме, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на утрате многих высших, культурных свойств и не сделала это население более грубым и отсталым» [5. С. 100–101]. В подобной оценке старожильского типа Н.М. Ядринцев был не одинок. Приведём лишь наиболее распространённые суждения современников о свойствах характера и физическом облике сибиряка: «Ум... сибиряка гораздо менее развит и гибок, чем у какого-нибудь нижегородца или ярославца, зато он гораздо более преобладает над чувством... Холодно-рассудочная, практическая расчётливость сибиряков и преобладающая наклонность к материалистическому взгляду на вещи проявляется и в языке... Сибиряки забыли не только вынесенную из России, но и собственную историю; войны, государственная жизнь не возбуждали здесь патриотизма...» [6. Т. 16. С. 227–229].

Стереотипы поведения сибиряка, сложившиеся под влиянием природных условий региона водворения, определили специфику адаптации переселенцев, способствовали пролонгации процесса их личного и производственного приспособления к новым условиям жизни. С очевидным своеобразием этих условий переселенцы сталкивались уже при первом соприкосновении с си-

бирским социумом: в большей степени в ситуации совместного проживания со старожилами, в меньшей – при образовании самостоятельных посёлков. Насколько различно протекали адаптационные процессы в условиях смешанного или однородного поселений, косвенно свидетельствует позиция местных сибирских властей, пришедших в результате продолжительных наблюдений за переселенцами к выводу, что «ввиду коренных различий между переселенцами и старожилами в отношении обычаев, хозяйственных приёмов, религиозных верований – результаты приселения выходцев из Европейской России к старожильческим посёлкам крайне неблагоприятны. Поэтому надлежит оказывать на переселенцев воздействие с целью образования ими самостоятельных населённых пунктов» [7. Л. 13–15]. Объективным барьером для адаптации в начальной стадии обустройства переселенцев в Сибири являлась естественная преграда – сложность восприятия чужого человека. Очевидцы аграрного освоения Зауралья, отмечая осознание местным старожилым населением своего областного типа, неоднократно указывали на устойчивость данных представлений: «Если сибиряк русскому, который посещает его гостеприимный двор, говорит дружелюбно: «Милостивый государь, вы "россейский"», то этим он не хочет сказать, что вы земляк, а, напротив, хочет обозначить противоположность себе как сибиряку» [5. С. 109]. Иногда это противопоставление принимало крайние формы: «Знаешь, твоё высокое благородие, наша сибирская собака не станет есть твоего "россейского" хлеба...» [8. С. 101].

Противопоставление старожилов переселенцам по линии «мы – они», «свои – чужие» свидетельствовало о том, что адаптивные барьеры отражали систему объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов, тормозивших приспособление личности (группы) к разнородным адаптивным ситуациям. К разряду основных адаптивных препятствий, сдерживавших процесс «вплетения» переселенцев из чернозёмных губерний России в социальную ткань сибирской жизни, относились мировоззренческий, эмоционально-психологический, ситуативный, временной барьеры.

В условиях адаптивной ситуации и преодоления адаптивных барьеров в местах выхода и водворения складывались и поведенческие стратегии мигрантов, характеризующиеся тремя основными качествами: контактностью (контактная или избегающая адаптация), активностью (активная или пассивная), направленностью (направлена на изменение среды или изменение себя).

Для **активной, контактной, направленной вовне** адаптивной стратегии характерно стремление активно воздействовать на среду или партнёра с целью изменить их, «приспособить» к своим особенностям и потребностям. Она предполагает широкий арсенал средств и может реализоваться через активное давление на партнёра, преобразование среды, а также различные виды манипуляции. Другими словами, это «стратегия кузнеца и воина» («всякий человек своему счастью кузнец») [9. Т. 3. С. 16–29]. Миграционное поведение представителей данного типа обуславливалось их природной активностью, стремлением к побуждающим ситуациям, высокой мобильностью и склонностью к оптимистической оценке перспективы. Все они являлись инициаторами выхода на переселение, обладали лидерскими способностями, свободно ориентировались в экстремальных ситуациях. Преимущественно из

этой категории крестьян вербовались мирские ходоки для осмотра и закрепления за обществом участков будущего водворения. По характеристике С.П. Швецова, перед нами «серьёзный, умный, дельный мужик... который знает на память все железнодорожные станции и переселенческие участки» [10. С. 31]. Активная жизненная позиция и уверенность в собственных силах укрепляли их лидерский авторитет, способствовали вовлечению в переселенческое движение широких крестьянских масс. Опрос переселенцев из чернозёмных местностей Европейской России, пришедших на заготовленные для них участки в Томской губернии в 1887–1888 гг., показал, что из 3 605 мигрантов 1/3 в своих действиях (от принятия решения о переселении до водворения и обустройства) руководствовалась советами ходоков [10. С. 30–31].

Мобильность, лёгкость вхождения в новую ситуацию, высокий энергетический потенциал способствовали эффективной адаптации в условиях Сибири, относительно безболезненному преодолению адаптивных барьеров.

Ко второму варианту следует отнести **активный, избегающий, направленный вовне** способ адаптивного поведения крестьян-переселенцев, который можно обозначить как «стратегию перелётной птицы» («Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше», «На одном месте и камень мхом обрастает», «Сокол на одном месте не сидит, а где птицу видит, туда и летит»). Названная стратегия представляет собой прямой уход индивида из ситуации с целью поиска новой среды, которая бы более гармонизировала с его свойствами. Человек уходит от контакта с фрустрирующей средой и сосредоточивает силы на поиске новых, более приемлемых условий существования.

Симптоматично, что разрыв с регионом-«реципиентом» (Европейская Россия) и процесс включения в среду региона-«донора» (Сибирь) у крестьян, носителей такой стратегии адаптивного поведения, выстраивался с различной степенью результативности.

Опросы крестьян из губерний чернозёмного центра в сопоставлении с данными об имущественном и бытовом положении в местах домиграционного размещения показывают, что относившаяся к этому типу часть потенциальных переселенцев отчётливо представляла себе не только причины своих экономических затруднений (малоземелье, увеличение плотности населения), но и располагала достаточными ресурсами для реализации собственных планов и достоверными сведениями о регионе предстоящего вселения. Материалом, подтверждающим существование такой группы земледельцев в переселенческом движении, может послужить сообщение Малоархангельского уездного съезда губернатору Орловской губернии со списком 12 крестьянских семей, ходатайствующих о переселении в Барнаульский уезд Томской губернии. Из документа следует, что 11 домохозяев «уже посылали ходоков в Алтайский округ, которые отыскиали место для посёлка и произвели посев, а также распродали имущество на родине, выручив достаточно средств на обустройство и устройство хозяйства на месте переселения» [11. Л. 41–42 об.].

По мнению А.А. Чарушина, «...курские переселенцы, за малым исключением, пришли на участок со своими средствами, устроились и в настоящее время обладают продовольственными средствами вполне достаточными. Из 28 семей в этом посёлке 27 имеют свои дома, 86 штук рабочего и рогатого скота, засеяли под озимые 15 десятин земли, заготовили сена больше, чем

требуется для прокормления скотины» [12. С. 116]. При сопоставлении приведённых данных с материалами по оценке миграционных возможностей этой же группы семей в период выхода на переселение выясняется, что ещё за два года до переселения курские крестьяне посылали в Мариинский округ двух ходоков для осмотра земли, планомерно распродавали имущество, выручив в среднем от 350 до 400 рублей на семью, что и позволило большинству домохозяев сразу встать на ноги в регионе водворения [13. Т. 1, ч. 1. С. 116].

Таким образом, данной категории переселенцев было свойственно сохранение и поддержание на всех этапах адаптации первоначальных представлений о регионе вселения, основанных на реальном знании преимуществ и трудностей, связанных с самим актом переселения. В целом подготовленность данной группы крестьян к миграции способствовала относительно быстрому и безболезненному преодолению адаптивных барьеров. Однако те же черты и постоянная потребность в побуждающих ситуациях обуславливали сохранение в этой группе перманентной миграционной активности, что проявлялось в частых внутрирегиональных миграциях. Этот факт подтверждается многочисленными косвенными и прямыми свидетельствами, содержащимися в отчётах чиновников, материалах по исследованию экономического положения и быта переселенцев, водворённых в населённых пунктах Западной Сибири. Так, представитель тобольского губернского совета по крестьянским делам в отчёте на имя губернатора за 1894 г. об осуществлении выдачи ссуд на домообзаводство сообщал, «что он не имеет возможности выдать таковые многим семьям ввиду их нахождения в неизвестной отлучке» [14. Л. 7–8]. Чиновник по крестьянским делам Спасского участка Каинского округа по поводу прошения курских переселенцев о пособии докладывал в МВД о том, что многих крестьян уже нет на месте или они могут в ближайшее время «выбыть в другие места» [15. Л. 7]. В общей сложности, как следует из материалов переписи 1897 г., в пореформенный период во вторичных миграциях приняло участие более 50 тысяч крестьян [3. Прил. 1].

Стереотипы поведения данной категории крестьян наиболее предметно описаны С.П. Швецовым, отмечавшим, что «им свойственно с лёгкостью бросать насиженное место и безо всяких причин менять его на новое, часто гораздо худшее» [10. С. 324].

Третий путь – **активный, избегающий, направленный вовнутрь** (активный уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир) – «стратегия улитки» («И зрячий глаз, да не видит нас»). Можно уйти от контакта с фрустрирующей средой, физически не отдаляясь от неё. Означенная стратегия – это избегание контакта со средой посредством замыкания во внутреннем, «своём» мире. Проявления стратегии достаточно разнообразны и включают, в частности, поиск альтернативы реальному миру в собственных фантазиях, а также в религиозных и философских системах.

Наиболее явно активный уход мигрантов от контакта со средой как модель адаптивного поведения проявился в религиозной сфере. Известно, что привыкший на родине к интенсивной религиозной деятельности переселенец попадал в Сибирь зачастую в совершенно иную обстановку. Такие свойства характера старожилов, как замкнутость и прагматизм, многократно отмеча-

лись переселенцами в жалобах и прошениях на имя правительственных чиновников («старожилы Бога не чтут: с ними не замолишься, благословения божеского не будет»). По замечанию В.П. Семёнова-Тян-Шанского, «сибирякам была мало свойственна религиозность. Живя разбросанными на огромном пространстве деревнями в 15, 20, 50, 80 верстах от церкви, сибирский крестьянин поневоле бывал в ней очень редко, часто только раз в жизни, когда приходилось венчаться. Сибиряк отвыкал от церкви и в конечном счёте отвык до такой степени, что не хотел в неё идти, когда она находилась недалеко от его жилья. В Сибири не стеснялись хоронить в лесу без отпевания» [6. С. 226–227]. На почве религиозного равнодушия родилось явление, отмеченное многими исследователями и непосредственными участниками колонизационных мероприятий в Сибири: «Там, где церковь стоит в середине села, половина которого заселена старожилами, а вторая половина – российскими «новосёлами», видно, что из последней идёт к службе масса народа, а из первой – единицы» [6. С. 227]. Вследствие такого положения вещей старожилы первого и последующего поколений попадали под мощное влияние адептов старообрядчества и представителей религиозных сект не православного толка, естественным образом втягиваясь в духовное противоборство с переселенческой массой. Особенно заметным это противостояние стало в период массовых аграрных миграций во второй половине XIX – начале XX в., что проявилось в регулярных столкновениях на религиозной почве.

Отметим, что религиозная конфликтность в рассматриваемый хронологический отрезок являлась существенным адаптивным барьером для всех категорий сибирского населения. Известны случаи, когда под напором действий консолидированной партии православных переселенцев староверы были вынуждены отступить. П.П. Сущинский писал: «Раскольники на Алтае образуют самостоятельные общества и очень отрицательно относятся к «мирским» людям. Однако это не мешает новосёлам постепенно приселяться к ним и, образовав свою сильную партию, получить от местной епархии разрешение на строительство церкви, после чего старожилы уходили в ещё более глухие места Алтая» [16. С. 32–33]. Не менее редкими являлись и жалобы православных крестьян на старожилов-старообрядцев и сектантов, когда вследствие «гонений» за веру или особо настойчивых попыток по обращению в раскол переселенцы были вынуждены возвращаться на родину или ремигрировать [17. Л. 596–598].

Вместе с тем необходимо признать, что подобные религиозные коллизии, с точки зрения процесса адаптации, приводили к неодинаковым последствиям для переселенцев и старожилов. Старообрядческий и сектантский сегменты старожилого населения Сибири в силу досконального знания местности, большей внутриобщинной сплочённости, а также упрощённости и как следствие относительной дешевизны обрядово-ритуальных манипуляций объективно имели больше шансов на восстановление и поддержание адаптивного статуса. Переселенцы, в свою очередь, находились в ситуации постоянного присутствия альтернативы: либо отказаться от своих идейных убеждений, принять религиозную и бытийную картину мира старожилов, получив тем самым возможность развернуть своё хозяйство и ускорить темпы приспособления к социальным условиям местности, либо придерживаться прежних

взглядов, рискуя потерпеть экономический крах и вернуться на родину разорёнными.

Мировоззренческая несовместимость переселенцев и старожилов в религиозной сфере вкупе с финансовыми и организационными трудностями организации церковного быта переселенцев в самостоятельных посёлках выступала в качестве важного адаптивного барьера, снижавшего потенциальные адаптивные возможности новосёлов. Для многих мигрантов успех хозяйственной деятельности определялся степенью доверия к ним со стороны местных жителей, что могло быть обеспечено только реальным восприятием переселенцами «правильности» мировоззрения старожилов Сибири. Причём там, где отсутствовали религиозные разногласия, мировоззренческие антиномии, зависящие от обыденного жизненного и производственного опыта, выражались не менее остро. В подавляющем большинстве случаев в сознании переселенцев, окончательно решивших связать свою дальнейшую судьбу с новым местом жительства, формировалась устойчивая готовность отказаться от прежних убеждений – личностных, религиозных, экономических – с целью преодоления мировоззренческого барьера. В этой связи не выглядят абсурдными и безнравственными способы, к которым мигранты вынуждены были прибегать, рассчитывая достигнуть желаемого результата. Так, курские переселенцы, водворившиеся в 1884 г. в посёлке Чибурлинском Викуловской волости Тарского уезда Тобольской губернии, при первом знакомстве со старожилами «сумели подкупить их смирением, кланялись сходу в пояс» [18. С. 31]. Заметным явлением были и частые переходы крестьян из официального православия в старообрядчество и сектантство. В первое десятилетие XX в. только в Томской губернии уклонистов насчитывалось более полутора тысяч душ обоего пола [19. С. 77–83].

Четвёртый вариант – **пассивный, контактный, направленный вовнутрь**. Данная стратегия определяется тенденцией к пассивному подчинению условиям среды. Изменения происходят под воздействием влияния извне, без самостоятельного сознательного анализа ситуации и в большинстве случаев не предполагают глубокой личностной перестройки. Наиболее яркое проявление этой стратегии – внешнее конформное поведение. Стратегия может выражаться в форме пассивного согласия с внешними требованиями и несколько по-иному проявляется в феномене подражания.

Носителями такой адаптивной стратегии являлись мигранты, чье поведение определялось недостаточной способностью соблюдать принятые в новом окружении правила и нормы, учитывать собственный негативный опыт и склонностью к немедленной реализации своих побуждений в повседневности. Основной причиной миграции в этой группе были предшествовавшие ей нарушения социально-психологической адаптации, выражавшейся в недостаточно успешной деятельности, в неспособности к адекватной организации межличностных отношений в коллективе.

Значительный пласт потенциальных «неудачников» был представлен в переселенческом движении второй половины XIX–XX в. крестьянами, шедшими в Сибирь самовольно, поскольку уже сам по себе факт нелегитимной миграции часто являлся признаком наличия внешнего или внутреннего конфликта. Группа семей самовольных переселенцев из Воронежской и Курской

губерний, ходатайствуя об устройстве в Алтайском горном округе, описывала своё положение как «крайне безвыходное», объясняя сложившуюся ситуацию тем, что «распродали всё имущество на родине, а средства полностью истратили на переезд» [20. Л. 89–90]. Беднейшие крестьяне Землянского уезда Воронежской губернии, также распродав имевшееся, явились к губернатору с жалобой на то, что им «не выдали до сих пор увольнительных свидетельств» [21. Л. 1–15]. Чиновникам по крестьянским делам, выяснявшим обстоятельства переселений мигрантов, часто приходилось слышать объяснения такого рода: «...увольнительного приговора не получил... ушёл с места воровски, убёгом, чтобы волостные не поймали» [22. С. 28].

Отсутствие материальных возможностей, а главным образом чёткой стратегии и ясных представлений о том, за счёт каких ресурсов могут быть достигнуты позитивные результаты водворения на новом месте, существенно ограничивали жизненные перспективы таких крестьян. Вследствие этого снижалась эффективность адаптации, особенно в начальный период, когда установление адекватных взаимоотношений в системе «человек – среда» имело решающее значение для закрепления в Сибири. Уйдя из родных мест «воровски, убёгом», т. е. через конфликт, переселенец и в новом регионе оказывался в схожей ситуации: на земельное обеспечение он мог рассчитывать только при наличии свободных долей, ссудные мероприятия правительства касались его в исключительных случаях, льготы на данную категорию лиц также практически не распространялись. Показательный эпизод: самовольным переселенцам из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Жердеву, Трошеву и Камневу в 1893 г. было отказано в силу юридической их неправомерности в праве на получение свидетельства на удешевлённый тариф для проезда в Томскую губернию. Прибыв в Сибирь, они написали прошение о причислении к старожильческому посёлку Ядринцевский Тюкалинского округа Тобольской губернии, встреченное также отказом, поскольку пришли в регион «не по разрешению, а по паспорту» [23. Л. 1, 59–60].

Вследствие названных причин этот тип мигрантов был наиболее подвержен воздействию адаптивных барьеров, имел крайне ограниченные адаптационные возможности. Воспринимая своё экономическое и социальное положение фатально, индифферентно реагируя на происходящее вокруг него, представители данной группы быстрыми темпами элиминировались из социальной среды колонизируемого региона.

\*\*\*

Таким образом, в рамках адаптивной ситуации, ставшей следствием принятия решения о переселении, способность к преодолению адаптивных барьеров у мигрантов определялась эффективностью выбранных стратегий адаптивного поведения. Решающими условиями в данном процессе являлись контактность и активность участников миграций, способствовавших системным изменениям взаимодействующих объектов (человек – среда). Можно констатировать, что адаптивную функцию в миграционной среде жизненная стратегия выполняла только тогда, когда обеспечивала развитие и усовершенствование

вание взаимодействующих сторон, а также сохранение целостности личности в рамках нового социального окружения.

### Литература

1. *Le Goff, Mentalities A History of Ambiguities*, in J. Le Goff & Pierre Nora, Faire de L'histoire, III: Nouveaux objets. Paris, 1974.
2. *Гефеле О.Ф.* Личность в ситуации риска (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004. – 151 с.
3. *Тихонов В.Б.* Переселения в России во второй половине XIX в. (по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики). – М.: Наука, 1978. – 213 с.
4. *Кашикаров М.* Статистический очерк хозяйственного и имущественного положения крестьян Орловской и Тульской губерний // Русское экономическое обозрение. – 1889. – № 9.
5. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. – 555 с.
6. *Россия: Полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей : в 20 т. / под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского* – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1899–1914. – Т. 1–20.
7. *Государственный архив Томской области.* – Ф. 3. – Оп. 44. – Д. 4000.
8. *Емельянова Н.Ф., Пережогина И.Н., Семёнова О.Г.* Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. – Курган: Курган. гос. пед. ин-т, 1994. – 160 с.
9. *Мельникова Н.Н.* Классификация стратегий адаптивного поведения // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Батурина. – Челябинск, 2001 – Т. 3. – С. 16–29.
10. *Швецов С.П.* Переселенческое движение на Алтай // Северный вестник. – 1891. – № 7. – С. 21–53.
11. *Государственный архив Орловской области.* – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 53.
12. *Чарушин А.А.* Крестьянские переселения в бытовом их освещении. – Архангельск, 1911. – 17 с.
13. *Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии : в 2 т. – СПб., 1895–1896. – Т. 1–2.
14. *Государственный архив г. Тобольска.* – Ф. 332. – Оп. 1. – Д. 158.
15. *Государственный архив Томской области.* – Ф. 3. – Оп. 45. – Д. 965.
16. *Сушинский П.П.* Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае. – СПб., 1898. – 39 с.
17. *Российский государственный исторический архив.* – Ф. 391. – Оп. 4. – Д. 1.
18. *Материалы для изучения быта переселенцев, водворённых в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. XIX века по 1893 г.).* – М., 1895. – Т. 1. – 541 с.
19. *Государственный архив Томской области.* – Ф. 3. – Оп. 77. – Д. 21.
20. *Государственный архив Томской области.* – Ф. 3. – Оп. 44. – Д. 3063.
21. *Государственный архив Воронежской области.* – Ф. 26. – Оп. 22. – Д. 80.
22. *Дудолодов А.А.* Очерк переселенческого в Сибирь движения. – Б.м., 1884. – 46 с.
23. *Государственный архив Тамбовской области.* – Ф. 26. – Оп. 2. – Д. 646.

Статья поступила 15 сентября 2013 г.

*Churkin Mikhail K.*, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

### **ADAPTIVE SITUATION, BARRIERS AND BEHAVIORAL STRATEGIES OF IMMIGRANTS OF CENTRAL CHERNOZEM REGION OF EUROPEAN RUSSIA (THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY).**

**Key words:** adaptation, adaptive barriers, adaptive strategies of behavior, settlers.

A comprehensive assessment of the phenomenology of the resettlement movement, where key role was played by the migrants from the Chernozem area of European part of Russia in the second half of the XIX – beginning of the XX century, is impossible without considering its socio-psychological aspects. Taking into account the modern level of science development, we can make a detailed analysis of peasant «views», «images», «values», which, as Jacques Le Goffe said, most obvi-

ously reveal themselves in the «irrational and anomalous human behavior», i.e. most often in critical situations.

From this point of view the resettlement movement in Siberia in the second half of the XIX – beginning of the XX century can be considered as a typical critical situation, characterized by more frequent manifestations of the irrational actions of consolidated groups of peasants. In this situation, the sustainable social and psychological patterns of behavior were formed providing a high rate of mobility of the majority of European Russia's rural population.

It is obvious that the participants of the resettlement process had a common ultimate goal: to adapt as fast as possible to local conditions, to organize efficient economic activities, to achieve economic success. Under such contextual circumstances behavioral strategies emerged in a new natural and social environment.

An active, contact, outward way of transformation of the environment can be considered as the first type of adaptive strategy characterized by the tendency to actively influence the environment or a partner in order to change them, to «adapt» to their features and needs. This strategy includes a wide range of ways and can be realized through the active pressure on the partner, transformation of the environment, as well as various kinds of manipulation.

The second type includes an active, divergent, outward way of adaptive behavior, the strategy of leaving the environment in search of new living conditions. This strategy represents a direct withdrawal from the situation to search for a new environment that would correspond to individual's features. A man avoids the contact with a frustrating environment and focuses on the search for new, more acceptable conditions of existence.

The third type is an active, divergent, inward (active avoidance of the interaction with milieu and moving into the inner world). This strategy is to avoid the contact with the environment through withdrawing into inner, «own» world. Manifestations of the strategy vary significantly and include, in particular, the search for alternatives to the real world in their own fantasies as well as in religious and philosophical systems. Active migrants avoiding the interaction with the environment as a model of adaptive behavior are most often seen in the religious sphere.

The fourth type is passive, contact, inward (passive subordination to the environmental conditions). This strategy is determined by the tendency to a passive submission to the environmental conditions. The changes occur due to the outside influence, without independent self-conscious analysis of the situation and in most cases do not involve a deep personal adjustment. The most striking manifestation of this strategy is the conformal external behavior. This strategy can be expressed in a form of passive acceptance of external requirements and is slightly differently manifested in the phenomenon of imitation.

Thus, as a part of the adaptive situation, resulting in the decision to resettle, an adaptive capability of migrants to overcome the barriers was determined by the efficiency of adaptive behavior strategies chosen.

### References

1. *Le Goff*, Mentalities A History of Ambiguities, in J. Le Goff & Pierre Nora, Faire de L'histoire, III: Nouveaux objets. Paris, 1974.
2. *Gefelev O.F.* Lichnost' v situatsii riska (sotsial'no-filosofskii analiz) : dis. ... kand. filos. nauk. – M., 2004. – 151 s.
3. *Tikhonov V.B.* Pereseleniia v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoi statistiki). – M.: Nauka, 1978. – 213 s.
4. *Kashkarov M.* Statisticheskii ocherk khoziaistvennogo i imushchestvennogo polozheniia krest'ian Orlovskoi i Tul'skoi gubernii // Russkoe ekonomicheskoe obozrenie. – 1889. – № 9.
5. *Iadrintsev N.M.* Sibir' kak koloniia v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom ot-noshenii. – Novosibirsk: Sib. khronograf, 2003. – 555 s.
6. *Rossiiia: Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva : nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei : v 20 t. / pod red. V.P. Semenova-Tian-Shanskogo* – SPb.: Izd. A.F. Devriena, 1899–1914. – T. 1–20.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti.* – F. 3. – Op. 44. – D. 4000.
8. *Emel'ianova N.F., Perezhogina I.N., Semenova O.G.* Krest'ianskii sotsializm v Zaural'e pri kapitalizme. – Kurgan: Kurgan. gos. ped. in-t, 1994. – 160 s.

9. *Mel'nikova N.N.* Klassifikatsiia strategii adaptivnogo povedeniia // Teoreticheskaiia, eksperimental'naia i prakticheskaiia psikhologiiia : sb. nauch. tr. / pod red. N.A. Baturina. – Cheliabinsk, 2001 – T. 3. – S. 16–29.
10. *Shvetsov S.P.* Pereselencheskoe dvizhenie na Altai // Severnyi vestnik. – 1891. – № 7. – S. 21–53.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti.* – F. 35. – Op. 1. – D. 53.
12. *Charushin A.A.* Krest'ianskie pereseleniia v bytovom ikh osveshchenii. – Arkhangel'sk, 1911. – 17 s.
13. *Kaufman A.A.* Khoziaistvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemliakh Tomskoi gubernii : v 2 t. – SPb., 1895–1896. – T. 1–2.
14. *Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol'ska.* – F. 332. – Op. 1. – D. 158.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti.* – F. 3. – Op. 45. – D. 965.
16. *Sushchinskii P.P.* Ekonomicheskii byt i pravovye otnosheniia starozhilov i novoselov na Altae. – SPb., 1898. – 39 s.
17. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.* – F. 391. – Op. 4. – D. 1.
18. *Materialy dlia izucheniia byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoi gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh gg. XIX veka po 1893 g.).* – M., 1895. – T. 1. – 541 s.
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti.* – F. 3. – Op. 77. – D. 21.
20. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti.* – F. 3. – Op. 44. – D. 3063.
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti.* – F. 26. – Op. 22. – D. 80.
22. *Dudoladov A.A.* Ocherk pereselencheskogo v Sibir' dvizheniia. – B.m., 1884. – 46 s.
23. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti.* – F. 26. – Op. 2. – D. 646.